

Başlık/ Title: “Специальные средства” Святейшего Синода: к вопросу об отношениях государства и Православной Церкви в России в период Думской монархии / “Special resources” of the Holy Synod: on the question of relations between the state and the Orthodox Church in Russia during the Duma monarchy

Yazarlar/ Authors
Andrey BOGOMOLOV

ORCID ID
0000-0001-6827-5914

Bu makaleye atf için: Andrey Bogomolov, “Специальные средства” Святейшего Синода: к вопросу об отношениях государства и Православной Церкви в России в период Думской монархии, *Türkiye Rusya Arařtırmaları Dergisi 2* (2019): 66-89.

To cite this article: Andrey Bogomolov, “Специальные средства” Святейшего Синода: к вопросу об отношениях государства и Православной Церкви в России в период Думской монархии, *Türkiye Rusya Arařtırmaları Dergisi 2* (2019): 66-89.

Makale Türü / Type of Article: Arařtırma Makalesi / Research Article

Yayın Geliř Tarihi / Submission Date: 16.12.2019

Yayına Kabul Tarihi / Acceptance Date: 29.12.2019

Yayın Tarihi / Date Published: 31.12.2019

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Yazar: Andrey BOGOMOLOV*

Kutsal Sinod'un "Özel Maddi Kaynakları": Duma Monarşisi Dönemi Rusya'sında Devlet ve Ortodoks Kilise İlişkileri Meselesine Dair

Öz: Bu makale 1906-1917 yılları arası dönemde devlet ile Ortodoks Kilisesi'nin mali ilişkileri hakkındadır. Yazar, konu kapsamında Kutsal Sinod'un "özel maddi kaynakları, onun mali hesap verme düzeninin belirlenmesi ve Devlet Müfettişliği (*Sayıştay*)'nin revizyon yetkisinin tüm kurumların maliyesini kapsamaması gibi meseleleri incelemektedir. Makalede ayrıca Kutsal Sinod'un gelir-giderler kayıtlarının Devlet Duma'sında incelenmesini ve Sinod'da mali teftiş reformunu zorlaştıran unsurlar ele alınmaktadır. Çalışmanın temel araştırma konusu ise devlet ile kilise ilişkilerinde Sinod'un "özel maddi kaynakları" (*bütçe dışı*) meselesinin kapsamlı analizi oluşturmaktadır. İncelenen dönemde Ortodoks parish (*coğrafi bölünmeler - paroisse*) reformu, Piskoposlar Konsülü'nün hazırlığı ve genel olarak yasama konularında devlet ve kiliseyi birbirinden ayırma çalışmaları başarısız olmuşsa da devlet-kilise ayrımı, kilise maliyesinde büyük ölçüde gerçekleştirilebilmiştir. Diğer taraftan Sinod'un "özel maddi kaynakların" Devlet Müfettişliği revizyonuna tabi tutulması meselesi yüzünden ortaya çıkan anlaşmazlığın nesnel sebepleri vardı. Sinod bütçesindeki münferit kalemler hakkında kararların alınabilmesi için bunların finansal kaynakları hakkında Duma vekillerinin daha çok bilgiye ihtiyacı vardı. Bununla birlikte Alt Meclis (*Duma*) yetkilerini kısıtlamaya yönelik her türlü girişime karşı tahammülsüzdü. Diğer taraftan Bakanlar Kurulu, Devlet Müfettişliği, Devlet Duma'sı gibi devlet kurumları Sinod'a her şeyden önce bakanlık (*devlet kurumu*) olarak bakmaktaydı. Bu sebeple devlet memurları Kilise'nin dindar toplumdaki parasal yardımlar gibi (*bütçe dışı*) maddi kaynakları kendi rahatları için anladıkları şekilde "özel maddi kaynaklar" adı altında sınıflandırmayı uygun görmüşlerdi. Bu durum, XX. yüzyılın başına kadar diğer bürokratik formaliteler gibi rahatsızlık uyandırmamıştı. Öyle ki bahsi geçen "özel maddi kaynaklar" Devlet Müfettişliği revizyonuna tabi tutulmamıştı. (*Sinod'un sunduğu*) Ayrıntılı mali hesaplar Duma vekilleri nezdinde tüm soruları cevaplar nitelikteydi. Buna bağlı olarak söz konusu "özel maddi kaynakların" bütçeden artan paralardan oluşan kısmı Devlet Müfettişliği'nin revizyonuna tabi kılınmakta, Ortodoks dindar toplumdaki parasal yardımlar ise sadece Sinod'un kontrolüne bırakılmaktaydı. Makale, Duma Monarşisi Dönemi Rusya'da Ortodoks Kilise'nin mali durumu ve devlet bütçesinden harcamalar üzerindeki kontrolün özellikleri hakkında önemli bilgiler vermektedir.

Anahtar Kelimeler: Duma Monarşisi, Ortodoks Kilisesi, Devlet Duma'sı, Devlet Müfettişliği, P.A. Haritonov.

"Special resources" of the Holy Synod: on the question of relations between the state and the Orthodox Church in Russia during the Duma monarchy

Abstract: This paper deals with the financial relations of the state and the Orthodox Church in 1906–1917. The author examines such aspects as the features of the so-called "special resources" and their differentiation, putting things in order in the financial statements of the Spiritual Department, extending the audit of the State Audit Office to all departmental finances. It also pays attention to factors that complicated the consideration of the list of revenues and

* Leading Specialist of The Russian State Historical Archive (РГИА), Petersburg State University Faculty of History (PhD. student), E-mail: k_tm@bk.ru, ORCID ID: 0000-0001-6827-5914.

“Специальные средства” Святейшего Синода: к вопросу об отношениях государства и Православной Церкви в России в период Думской монархии

expenses of the Holy Synod in the State Duma, as well as contributed to the reform of the synodal control. The main contribution of the research composed in a comprehensive analysis of the problem of “special resources” of the Synod in the context of state-church relations. If it was not possible to separate the church from the state in the period under review either for legislation in general, or in reform of the Orthodox parish, or in the conduct of the Episcopal Council, then in the field of church finance this was largely realized. On the one hand, the conflict arose on the subject of subordination of the synodal “special resources” to the audit of the State Audit Office and had objective reasons. A brief reference about them could not suit the State Duma, and deputies did not have sufficient information to make decisions on the budget. In addition, the lower house painfully perceived any limitations of its competence. On the other hand, state institutions (Council of Ministers, State Audit Office, State Duma, etc.) considered the Synod, first of all, from the standpoint of its departmental status. Therefore, it is no coincidence that the ecclesiastical means proper for formal convenience and understanding of secular officials were included in the category of “special resources”. Until the beginning of the 20th century, this did not matter, as did a number of other bureaucratic formalities, since the audit of the State Audit Office did not extend to these resources. Providing more detailed reporting removed most of the questions of lawmakers. Therefore, if “special resources”, which had a budgetary origin, were turned into treasury income and were subject to revisions of the State Audit Office, then church funds were subject to revision only of the Audit Office under the Synod. The paper gives valuable information about the financial situation of the Orthodox Church, as well as about the features of control over the spending of state resources in Russia during the Duma monarchy.

Keywords: Duma monarchy, Orthodox Church, State Duma, State Audit Office, P. A. Kharitonov.

“Специальные средства” Святейшего Синода: к вопросу об отношениях государства и Православной Церкви в России в период Думской монархии

Аннотация: Данная статья посвящена финансовым отношениям государства и Православной Церкви в 1906–1917 гг. Автор рассматривает такие аспекты темы как особенности так называемых “специальных средств” ведомства Святейшего Синода, наведение порядка в его финансовой отчетности, а также распространение ревизии Государственного контроля на все ведомственные финансы. Внимание также уделяется факторам, которые осложняли рассмотрение росписи доходов и расходов Святейшего Синода в Государственной думе и способствовали реформе Контроля при Синоде. Основной вклад данного исследования заключается в комплексном анализе проблемы “специальных средств” Синода в контексте государственно-церковных отношений. Если отделить церковное от государственного в рассматриваемый период не удалось ни при реформе православного прихода, ни при подготовке Поместного Собора, ни для законодательства в целом, то в сфере церковных финансов это в значительной степени осуществилось. Возникший конфликт по вопросу о подчинении “специальных средств” Духовного ведомства ревизии Государственного контроля имел, с одной стороны, объективные причины. Для принятия решения по отдельным статьям сметы Синода депутатам требовалась более полная информация обо всех источниках их финансирования. Кроме того, нижняя палата болезненно воспринимала любые ограничения своей компетенции. С другой стороны, государственные учреждения (Совет министров, Государственный контроль, Государственная дума и др.) рассматривали Синод, прежде всего, как государственное ведомство. Поэтому не случайно денежные средства Церкви как религиозной общины для формального удобства и понимания светских

чиновников были зачислены в разряд ведомственных “специальных средств”. До начала XX века это не имело принципиального значения, так как на эти средства не распространялась ревизия Государственного контроля. Предоставление более подробной отчетности снимало большинство вопросов парламентариев. Поэтому если “специальные средства”, имевшие бюджетное происхождение, обращались в доход казны и были подвластны ревизии Государственного контроля, то церковные средства православной религиозной общины подлежали ревизии только Контроля при Синоде. Статья дает ценную информацию о финансовом положении Православной Церкви, особенностях контроля за расходованием государственных средств в России в период Думской монархии.

Ключевые слова: Думская монархия, Православная Церковь, Государственная дума, Государственный контроль, П. А. Харитонов.

Введение

Российское государство и Православная Церковь были тесно связаны исторически, а с Петра I также и административно, в единой системе государственных учреждений. В XVIII–XIX вв. в рамках этой системы государство выстраивало новые экономические отношения с Духовным ведомством. В начале XX в. их вряд ли можно считать успешными. При этом, в частности, была в значительной степени разрушена традиционная связь священника и паствы в рамках прихода. В том числе деградировали ее нравственный и экономический аспекты, которые были тесно переплетены. От нравственной связи зависела жертва прихожанина храму, на алтарь, от которого священник традиционно получал пропитание за свое служение. Попытка решить проблему через государственное материальное обеспечение духовенства требовала больших ежегодных финансовых вливаний в Ведомство православного исповедания. Несмотря на постоянно увеличивающиеся ассигнования из казны, задача так и не была решена.¹

Кроме того, в начале XX века государство не посчитало возможным проведение Поместного Собора, предполагавшего преобразования в сфере государственно-церковных отношений. В то же время правительство, в обычном для себя порядке, попыталось провести реформу в вероисповедной сфере, рассматривая Святейший Синод в роли ведомого. Однако такой подход безнадежно устарел.²

Вместе с тем еще в 1905 г. А. А. Киреев, общественный деятель, имевший влияние в церковных вопросах, писал митрополиту Антонию

¹ С. Л. Фирсов, “Финансовое положение Русской Церкви в последнее предреволюционное десятилетие”. *Церковь в империи. Очерки по церковной истории эпохи императора Николая II* (СПб.: Сагис, 2007): 376–379.

² А. Б. Богомолов, “Государственно-церковные отношения в России в период Думской монархии: правовой цугцванг”. *Turkish Journal of Russian Studies*, 1 (2019): 60–63.

“о необходимости для Церкви действовать самостоятельно”, не дожидаясь указаний от правительства.³ Однако ключевой вопрос определения формата государственно-церковных отношений, по мнению профессора П. В. Верховского, не был сразу рассмотрен в Предсоборном присутствии⁴, организованном при Синоде для подготовки Поместного Собора. Это не позволило внести соответствующие изменения в новые Основные законы, утвержденные 23 апреля 1906 г. Церковь не приобрела действительной самостоятельности во внутренних делах⁵, необходимой для восстановления своего пошатнувшегося в обществе и народе авторитета.

После принятия новой редакции Основных законов правовое положение Духовного ведомства только ухудшилось. Это, прежде всего, касалось невыясненного порядка направления церковных законопроектов. Не был четко определен круг законодательных вопросов, которые бы разрешались не общим порядком через Государственную думу (по статье 86)⁶, а в порядке верховного управления по статье 65.⁷ Попытка рассмотрения по предложению обер-прокурора В. К. Саблера этой проблемы в Совете министров закончилась принятием половинчатого решения, которое не имело значимых положительных последствий.⁸ Кроме того, что особенно важно для рассматриваемой темы, Государственная дума развила практику вмешательства в церковные дела посредством находившегося в ее руках финансового инструмента, увязывая выделение средств с проведением необходимых, на взгляд большинства этого учреждения, реформ. Вместе с тем выявлялось все больше “несовершенств” управления и финансовых отношений в Ведомстве православного исповедания. Что не только не прибавляло самостоятельности, но и еще больше роняло авторитет Церкви и ее высшего управления.

³ А. А. Киреев, *Дневник. 1905–1910* (Москва: РОССПЭН, 2010): 102.

⁴ Предсоборное присутствие начало свою работу 8 марта 1906 г.

⁵ П. В. Верховской, *О необходимости изменить русские основные законы в пользу законодательной независимости православной русской церкви* ([Берлин, 1913]); 6–7.

⁶ Статья 86: “Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора” (*Свод законов Российской Империи*, кн. 1, т. I–III (1912): 6).

⁷ Статья 65: “В управлении Церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного” (*Свод законов*, 5).

⁸ См. подробнее: А. Б. Богомолов, “Государственная дума и порядок направления законопроектов по Ведомству православного исповедания в 1913–1914 гг.” *Международная конференция “Таврические чтения 2016”*, ч. 1 (2017): 215–220.

Взаимоотношения государства и Церкви в финансовой сфере имели многоплановый характер. В настоящей работе рассматриваются несколько аспектов:

- необходимость наведения порядка в финансовой отчетности Контроля при ведомстве Синода и епархиальных ревизионных комитетов;

- распространение ревизии Государственного контроля на ведомственные “специальные средства”;

- дифференциация “специальных средств” Святейшего Синода и др.

Одной из особенностей государственной росписи доходов и расходов России были так называемые “специальные средства” различных министерств и главных управлений.⁹ По действовавшим сметным правилам — это доходы, “которые состоя под контролем Правительства, не составляют однако же принадлежности казны”.¹⁰ При этом к “специальным средствам” Синода относились и средства, которые составляли собственность Православной Церкви как религиозной общины: пожертвования за требы, доходы от продажи свечей, различные пожертвования на те или иные церковные или благотворительные нужды, различавшиеся по способу их собирания (кружечный, тарелочный и др.)¹¹, доходы с пожертвованных Церкви капиталов и др. Они подлежали ревизии Контроля при Синоде, а также местных временных ревизионных комитетов¹² и распределялись Церковью самостоятельно по отдельной смете. Часть этих средств шла на общецерковные нужды, а часть оставалась в распоряжении церквей и монастырей (так называемые “местные средства”). В то же время в “специальные средства” Синода попадали, по аналогии с другими министерствами и главными управлениями Российской империи, например, неиспользованные остатки от бюджетных ассигнований.

⁹ В их число по сложившейся еще в XIX веке государственной практике входило и ведомство Святейшего Синода.

¹⁰ “Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений, Высочайше утвержденные 22 мая 1862 года”. *Полное собрание законов Российской империи*, собр. 2, т. 37, ч. 1, 1862 г. (СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. Канц., 1865): 468–477.

¹¹ Кружечные пожертвования собирались через постановку кружек на особо указанных местах. Тарелочные — через обношение за богослужениями тарелки или блюда в определенные дни или недели.

¹² Епархиальные ревизионные комитеты учреждались ежегодно из местных священников и преподавателей духовных семинарий и училищ для проведения подробной ревизии местных церковных учреждений.

Проблему “специальных средств” Святейшего Синода затрагивает в своей монографии протоиерей Владимир Рожков. В главе “Обсуждение финансовых вопросов Церкви в Думе” исследователь отмечает, что предметом постоянного внимания думской Бюджетной комиссии были церковные средства, не связанные с ассигнованиями из казны. Это объяснялось необходимостью принятия решения об объеме государственного финансирования той или иной расходной статьи синодальной сметы. Попытки членов Думы настаивать на подчинении “специальных средств” ревизии не синодального, а Государственного контроля встречали возражения Духовного ведомства. В то же время это позволило Синоду выявить недостатки в контроле за расходованием церковных финансов, провести реформу ведомственного контроля и привести в порядок отчетность. Это значительно снизило претензии со стороны нижней палаты парламента по финансовым вопросам. Вместе с тем, по мнению В. С. Рожкова, не имея по Основным законам права законодательного почина в вопросах церковного управления, Государственная дума по инициативе “октябристской” Бюджетной комиссии каждое положительное решение на ассигнование по смете Св. Синода сопровождала “указанием на необходимость установления контроля над расходованием средств, созыва церковного Собора и скорейшей реорганизации церковного прихода”.¹³

Финансовое положение Православной Церкви в предреволюционное десятилетие (1907–1917 гг.) в специальной статье рассмотрел С. Л. Фирсов. Автор подробно разбирает миф о несметных богатствах Церкви. По мнению исследователя, ее материальное положение было сложным, и сложность эта была вынужденной платой духовной власти “симфоническому” с ней государству. Вместе с тем отмечается, что “многие финансовые проблемы Церковь смогла бы решить самостоятельно, проведя необходимые реформы”, которые, впрочем, зависели от воли светской власти.¹⁴ При этом С. Л. Фирсов лишь касается вопроса “специальных средств” Синода, подробно на нем не останавливаясь.

Рассматривая проводимую в начале XX века реформу “счетно-ревизионных уставов”, М. Ф. Флоринский обратил внимание на тот факт, что Дума нашла поддержку своим требованиям у бывшего в 1907–1916 гг. руководителем Государственного контроля П. А. Харитонова. Члены

¹³ В. С. Рожков, *Церковные вопросы в Государственной думе* (М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004): 228–241.

¹⁴ Фирсов, “Финансовое положение”, 376–404.

Думы требовали от правительства распространения ревизионной деятельности этого ведомства на все властные структуры. При этом они имели в виду, в частности, и “проверку расходования Синодом “специальных средств” Духовного ведомства”. Принятие в 1913 г. Советом министров решения по проекту Устава ревизии, по мнению Харитонов, давало Государственному контролю такое право. Однако Святейший Синод считал неприемлемым выполнение данного требования и расценивал его как стеснение церковной власти во внутреннем управлении.¹⁵

Вопрос о “специальных средствах” Духовного ведомства не стал предметом специального исследования. Однако рассмотрение этой темы представляется важным для понимания характера государственно-церковных отношений и правового положения Православной Церкви в период Думской монархии.

“Специальные средства” Духовного ведомства и контроль за расходованием государственных средств

Образованный в 1811 г. Государственный контроль (до 1836 г. — Главное управление ревизии государственных счетов) в царствование императора Александра II стал превращаться в “единый контрольный орган, обладавший правом документальной ревизии почти всех государственных учреждений”.¹⁶ Вопрос о подчинении “специальных средств” Синода Государственному контролю поднимался с 1854 г. Высшая контрольная комиссия в 1858–1859 гг. “признала необходимым подчинить все его капиталы общему порядку контроля”.¹⁷ Вместе с тем, “специальные средства” Синода образовывались за счет разного рода пожертвований, доходов от печатания церковной литературы, сборов (кружечного, тарелочного и др.), вносимых прихожанами на нужды храма, доходов от продажи церковных свечей и др. В связи с этим последовало обращение обер-прокурора А. П. Толстого к Александру II, а митрополитом Филаретом (Дроздовым) 17 марта 1862 г. была составлена записка “О собственности православной церкви”. Императору доводы святителя показались убедительными. Последовало

¹⁵ М. Ф. Флоринский, “К истории Государственного контроля России в начале XX века”. Сборник статей “Политическая история России первой четверти XX века” (2006): 11–20.

¹⁶ М. А. Рябова, *Контроль и ревизия* (Ульяновск: УлГТУ, 2011): 9–11.

¹⁷ С. И. Алексеева, *Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг.* (СПб.: Наука, 2006): 97.

высочайшее распоряжение “оставить порядок заведования капиталами Синода без изменений”.¹⁸

22 мая 1862 г. были приняты “Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений”, которые с изменениями и дополнениями действовали и в начале XX века. Правила требовали от ведомств предоставлять сведения о “специальных средствах” в Государственный совет в особых приложениях к финансовым сметам. При этом в примечании к статье 27 указывалось, что “о специальных средствах духовного ведомства приложений Государственному Совету не представляется”.¹⁹ С 1880-х годов в обязанность обер-прокурора тем не менее входило предоставление в Государственный совет сведений о “специальных средствах” (их краткое расписание по Хозяйственному управлению при Синоде).²⁰

В рассматриваемый нами период “краткое расписание” не могло удовлетворить Государственную думу, болезненно реагировавшую на ограничение ее компетенции. Впервые в нижней палате был затронут вопрос “специальных средств” Духовного ведомства 15 декабря 1907 года в связи с законопроектом Министерства внутренних дел “Об установлении порядка заведывания храмом Воскресения Христова в Петербурге”.²¹ Построенный храм передавался в Ведомство православного исповедания. Народные представители при этом указывали на факторы, которые могут повлиять на размер казенного ассигнования на его содержание: доходы, которые храм будет получать, отсутствие отчета по остаткам кредита на его строительство и т.д. В связи с этим была внесена поправка, ставшая в дальнейшем статьей 5 закона: “По истечении трех лет (двух лет) ведомство православного исповедания должно представить Государственной Думе отчет о доходах и расходах храма и свои соображения об изменении штата”.²²

¹⁸ Алексеева, *Святейший Синод*, 98–99. Митрополит Филарет (Дроздов) писал: “...Рубль свечного дохода, лежит ли в церковном хранилище, переходит ли в конце года в консисторию, поступает ли в начале следующего года в епархиальное училище на его содержание, пересылается ли в хозяйственное управление при Св. Синоде, — во всех сих случаях он есть церковная собственность и не превращается через сие движение в собственность государства...” (*Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам*, т. 5, ч. 1 (1887): 231–238).

¹⁹ Правила о составлении, 469, 472.

²⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты, сессия 1, ч. II (1908): 798–803.

²¹ Государственная дума, сессия 1, ч. I (1908): 841–1089.

²² Государственная дума, сессия 1, ч. I: 1082.

С учетом замечаний был подготовлен ко второму чтению 1 февраля 1908 г. Предполагалось отпустить средства Государственного казначейства сроком на два года. За это время было необходимо произвести подсчет доходной части храма от продажи свечей, от треб и т. п., и представлен по истечению этого времени отчет в Государственную думу. Через два года “сообразно с этим отчетом” и были бы внесены изменения в бюджет храма.²³

Однако, по мнению товарища обер-прокурора Святейшего Синода А. П. Роговича, Дума избрала в статье 5 проекта способ “чрезвычайный” для учета доходов и расходов храма. Помимо ассигнований из казны, подлежащих ревизии Государственного контроля, в отчет должны войти и церковные суммы (“свечной, кружечный и кошелевый сборы”), проверяемые местной епархиальной ревизией, а также не учитываемые средства причта, “которые идут священнослужителям за совершение треб”. Тем самым храм Воскресения становился “учреждением, подотчетным непосредственно Государственной думе”, ставился в исключительное положение среди храмов Православной Церкви. Поэтому Рогович предложил исключить слова “отчет о доходах и расходах храма”.²⁴

Однако статья 5, а также поправка, что “остатки, которые получаются от общей сметы, вносились в государственное казначейство — на общем основании” большинством голосов было принято в редакции Бюджетной комиссии.²⁵ 21 февраля 1908 года Дума утверждает окончательную редакцию закона “О порядке заведывания храмом Воскресения Христова в С.-Петербурге”.²⁶

К началу XX в. Государственным контролем неоднократно предпринимались попытки усовершенствовать ревизионные уставы и обеспечить эффективный контроль за расходованием ведомствами государственных средств. Это касалось также и путаницы, связанной с отсутствием четких правил, касающихся “специальных средств”. Вместе с тем Правила 8 марта 1906 г. о порядке рассмотрения бюджета Государственной думой и Государственным советом²⁷ значительно ограничивали права законодательных учреждений. Выпадали из их

²³ Государственная дума, сессия 1, ч. I: 1639–1640.

²⁴ Государственная дума, сессия 1, ч. I: 1651–1653.

²⁵ Государственная дума, сессия 1, ч. I: 1656.

²⁶ Государственная дума, сессия 1, ч. II: 5–9.

²⁷ “О порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных” (Полное собрание законов Российской империи, собр. 3, т. 26, ч. 1, 1906 г. (СПб.: Гос. тип., 1909): 223–225).

ведения и “специальные средства” министерств и главных управлений. По оценкам председателя Бюджетной комиссии Государственной думы М. М. Алексеенко они составляли в 1908 г. порядка полумиллиарда, а расходовалось ежегодно около 80 миллионов рублей.²⁸ На этой почве не могло не возникнуть конфликта, что и наблюдалось каждый раз, когда обсуждалась смета ведомства Святейшего Синода.

Смета Святейшего Синода и вопрос о “специальных средствах” в Государственной думе

18 марта 1908 г. развернулись более масштабные события, связанные с первым полноценным обсуждением в Думе бюджета страны. Он рассматривался по сметам отдельных ведомств, и председатель Бюджетной комиссии М. М. Алексеенко в своем слове предварил доклад по смете Государственного контроля рядом общих положений, касающихся особенностей Государственной росписи доходов и расходов России. Он указывал, что комиссия при рассмотрении сумм по отдельным сметам затрагивала вопрос и переплетающихся с ними “специальных средств”. По мнению Алексеенко, расходы по этим средствам, которые производятся ведомствами, тождественны государственным, и многие из них покрываются похожими на государственные же формами обложения.²⁹

Можно назвать это своего рода декларацией о пересмотре статуса “специальных средств”. Далее докладчик комиссии по смете Государственного контроля И. В. Лучицкий напомнил высказанное императором Александром II в начале своего царствования пожелание, чтобы “все без исключения отрасли государственного управления подвергались финансовому контролю”.³⁰ В связи с этим Бюджетная комиссия Государственной думы поставила вопрос о реформе Государственного контроля, одним из пунктов которой признала, “что все изъятия из ведения Контроля в деле проверки расходования государственных средств должны быть устранены”.³¹ Умеренно-правые депутаты внесли поправку: “за исключениями, указанными Основными законами”. Она была поддержана националистами и правыми и принята думским большинством.³² Под такое исключение вполне могли

²⁸ Государственная дума, сессия 1, ч. II: 612.

²⁹ Государственная дума, сессия 1, ч. II, 611–613.

³⁰ Государственная дума, сессия 1, ч. II, 626.

³¹ Государственная дума, сессия 1, ч. II, 633.

³² Государственная дума, сессия 1, ч. II, 637–638, 647, 653, 657.

подпадать “специальные средства” Духовного ведомства, которое управлялось по статье 65 Основных законов.

Как указывалось, выше, согласно Правилам 8 марта 1906 г. под контролем Думы находилась лишь незначительная доля расходов Святейшего Синода. По действующим законам большую часть ежегодной сметы Духовного ведомства составляли бронированные статьи, не подлежащие изменениям в законодательных учреждениях. Это не могло не вызывать у депутатов раздражения, и Бюджетная комиссия обсуждала весь объем сметы.³³

Предметом споров при обсуждении сметы Святейшего Синода 22 марта 1908 года стали следующие вопросы:

- подчинение (или неподчинение) Духовного ведомства в расходовании сумм из казны Государственному контролю;
- расходование местных церковных сборов на местные приходские нужды без отчисления на общецерковные нужды;
- подчинение остатков по различным статьям (параграфам) сметы общему правилу о возвращении их в государственное казначейство вместо их причисления к “специальным средствам” Святейшего Синода.³⁴

Докладчик Бюджетной комиссии Думы Е. П. Ковалевский замечал, что суммы из разных источников (“специальные средства”, из казны, “местные средства”) в Духовном ведомстве смешиваются “самым прихотливым образом”. Местные средства не могли быть проводимы по смете или подлежать Государственному контролю, но из церковных сборов следовал ряд вычетов на епархиальные и общецерковные нужды, которые достигали 75%.³⁵ При этом, по мнению Ковалевского, “бессистемность денежных средств и несогласованность между способами их получения и расходования” стали следствием не вины церкви, а скорее исторически сложившегося отношения государства к церковному имуществу со времен Петра I.³⁶

Комиссия “признала финансовое хозяйство Духовного ведомства подлежащим коренным реформам”³⁷ и предложила формулу перехода к рассмотрению отдельных параграфов сметы, которую после

³³ Из бюджета Синода на 1910 г. в 34 208 967 р. только 2 091 572 р. (около 6 %) не было забронировано (Рожков, *Церковные вопросы*, 228).

³⁴ “Летопись церковной и общественной жизни в России”. *Церковный вестник*, 13 (1908): 407.

³⁵ *Государственная дума*, сессия 1, ч. II, 798–803.

³⁶ *Государственная дума*, сессия 1, ч. II, 798–803.

³⁷ *Государственная дума*, сессия 1, ч. II, 799.

обсуждения и внесения некоторых поправок была принята Думой. Признавалось необходимым:

- установить правильную отчетность для денежных оборотов Ведомства православного исповедания;
- обращать остатки от кредитов, поступающие в “специальные средства” Синода, в ресурсы государственного казначейства на общем основании;
- доставлять при смете Св. Синода сведения о “специальных средствах” и подробные данные о капиталах, состоящих в ведомстве.
- найти желательным “скорейшую выработку путем церковного законодательства такого порядка, чтобы местные церковные сборы расходовались преимущественно на местные нужды”, для чего нужно было установить “самостоятельность прихода в хозяйственном отношении”.³⁸

Показателен и поднятый в ходе обсуждения в Думе вопрос, касавшийся доли доходов Духовного ведомства с имений в Бессарабии.³⁹ Доходы с этих имений исчислялись в 1 500 000 рублей ежегодно и две пятых должно было идти на содержание церковных школ.⁴⁰ Дума не получила о них сведений (ни в смете, ни в кратком расписании “специальных средств”), так как средства проходили “по особой ведомости, не подлежащей ревизии Государственного контроля”. По представлению обер-прокурора 8 ноября 1908 г. Совет министров “обязал Синод представлять эту ведомость на рассмотрение законодательных палат”. Глава Духовного ведомства при этом предлагал включить ее в смету Синода, но Совет министров “нашел правильным” одновременно с синодальной росписью доходов и расходов внесение отдельной сметы по Бессарабским имениям.⁴¹ В 1910 г. Государственной думой и Государственным советом был принят и высочайше одобрен закон о зачислении данных сумм в “специальные средства” Синода. При этом “в изменение и дополнение подлежащих узаконений” обороты по

³⁸ Государственная дума, сессия 1, ч. II, 856–860.

³⁹ Бессарабские имения — имения монастырей, приписанных к иностранным монастырям, в Бессарабии. С 1873 г. они управлялись Министерством государственных имуществ. Доходами же с бессарабских имений заведовало Министерство иностранных дел. Часть этих доходов в 1876 г. была передана Министерством внутренних дел и народного просвещения, а также Синоду. См.: *Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг.* 1909 год (М.: РОССПЭН, 2005): 539.

⁴⁰ Государственная дума, сессия 1, ч. II, 798–803.

⁴¹ *Особые журналы, 1909, 336.* Данная практика сохранялась до 1917 г. (См.: *Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1917 год.* Пг.: Син тип., 1916).

этим суммам подлежали отчетности перед Государственным контролем, а смета — представлению в законодательные учреждения.⁴²

Союз парламентариев и Государственного контроля

В 1909 г. Государственный контроль поддержал стремление Думы к контролю за расходом средств Церкви.⁴³ Глава этого ведомства П. А. Харитонов образовал специальное совещание для разработки проекта ревизионного устава. Принять его не удавалось уже многие годы. Проекты устаревали и требовали новых исправлений в связи с происходившими изменениями в государственной жизни и длительными межведомственными согласованиями. По замечанию авторов издания к столетию ведомства в 1911 г., Государственный контроль сосредотачивал обширные сведения обо всех сторонах государственного хозяйства. Государственный совет⁴⁴ по финансовым законопроектам почти всегда запрашивал предварительное заключение контрольного ведомства. Поэтому понятно стремление П. А. Харитонova в новых “счетно-ревизионных уставах” распространить ревизию Государственного контроля на все ведомства,⁴⁵ превратить его “в практически всеохватный орган финансового контроля”.⁴⁶ Дума, в свою очередь, торопилась с принятием устава и считала необходимым подчинить ревизии Государственного контроля и “специальные средства” Синода.⁴⁷

Докладчик думской Бюджетной комиссии по смете Святейшего Синода Е. П. Ковалевский 14 апреля 1909 г. в Государственной думе указывал, что из прошлогодних думских пожеланий “остались невыполненными ведомством те, которые требовали изменения закона, а также ничего не сделано относительно обращения остатков по ведомству в общие ресурсы государственного казначейства”, не

⁴² “Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон”. *Церковные ведомости*, 12 (1910): 58. См. также: *Полное собрание законов Российской империи*, собр. 3, т. 30, 1910 г. (СПб.: Гос. тип., 1913): 70.

⁴³ *Государственная дума*, сессия 2, ч. III, 2018. — См. также: Флоринский, К истории Государственного контроля, 18–19.

⁴⁴ До появления в 1906 г. законодательных Государственной думы и Государственного совета последний был высшим законосовещательным учреждением при российском императоре. К полномочиям Государственного совета относились, в частности, рассмотрение новых законов, государственной росписи доходов и расходов и др.

⁴⁵ *Государственный контроль. 1811–1911* (СПб.: Лики России, 1911): 337–342.

⁴⁶ Рябова, *Контроль и ревизия*, 14. См. также: *Управленческая элита Российской империи (1802–1917)* (СПб.: Лики России, 2008): 379.

⁴⁷ Флоринский, К истории Государственного контроля, 18.

упорядочена отчетность.⁴⁸ Несмотря на пожелание, чтобы смета сопровождалась более обстоятельной объяснительной запиской, в 1909 г. этот документ мало отличался от предыдущего.⁴⁹ В то же время впервые были предоставлены сведения о “специальных средствах” и капиталах по Духовному ведомству.⁵⁰ Они позволяли прояснить недомолвки главной сметы. В своем докладе Ковалевский выделил шесть групп источников “специальных средств” Синода:

- 1) все остатки от казенных ассигнований;
- 2) поступления из местных источников: от земств, городов, сельских обществ и др.;
- 3) доходы от торговых и промышленных предприятий, от печатания и продажи книг, сдачи в наем лавок, рядов, домов, и т. д.;
- 4) поступления от земель и лесных урочищ, которые принадлежат церквам и монастырям;
- 5) доходы от капиталов, пожертвованных на определенные цели;
- 6) те церковные сборы, которые составляют уже не специальные средства ведомства, а узко церковные доходы.⁵¹

По сути, таким образом большая часть “специальных средств” представляла собственность Православной Церкви как религиозной общины. Тем не менее, лишь доходы и расходы церквей и монастырей ввиду их “особливого характера” признавались Бюджетной комиссией не подлежащими ревизии Государственного контроля, в отличие от всех прочих денежных оборотов.⁵²

Духовенством стремление большинства Думы к возможно более полному контролю над расходованием церковных средств рассматривалось как задача еще больше подчинить Церковь государству в лице его законодательных учреждений.⁵³ Такой точке зрения способствовали и растущие противоречия в государственно-церковных отношениях.⁵⁴ Епископ Евлогий (Георгиевский) в докладе думской Бюджетной комиссии главным недостатком считал “отсутствие грани между церковным управлением и управлением государственным или гражданским”. Секуляризация Екатерины II продолжила первый шаг Петра Великого, передавшего в гражданское ведение церковные

⁴⁸ Государственная дума, сессия 2, ч. III, 2007.

⁴⁹ Государственная дума, сессия 2, ч. III, 2008. — См. также: Рожков, *Церковные вопросы*, 228.

⁵⁰ “Обсуждение сметы Св. Синода в Гос. Думе”. Колокол, 932 (1909): 1.

⁵¹ Государственная дума, сессия 2, ч. III, 2016.

⁵² Государственная дума, сессия 2, ч. III, 2018.

⁵³ Государственная дума, сессия 2, ч. III, 2031–2036.

⁵⁴ Богомолов, *Государственно-церковные отношения*, 1 (2019): 45–65.

имущества. По его мнению, этот процесс, будучи продолжен, неизбежно “приведет к переходу специальных церковных средств в общегосударственные ресурсы”.⁵⁵

В своей речи обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов указывал, что представленными объяснениями по “специальным средствам” отчетности Духовного ведомства придается “более конкретный характер”. Глава Духовного ведомства также отмечал, что среди церковных денежных средств есть не только казенные ассигнования (“дар государства”), которые ревизовались Государственным контролем. И, если суммы остатков по кредитам, идущие на содержание духовно-учебных заведений “в пособие к главным средствам”, подлежали бы ревизии Государственного контроля, то это не встретило бы принципиальных возражений, поскольку речь шла о средствах казны. Но пожертвования (“дар частных лиц и частных учреждений”) и обороты по этим “специальным средствам” носили, подобно “местным средствам”, особый характер. Лукьянов ссылаясь на слова митрополита Филарета (Дроздова) из упомянутой выше записки и полагал, что требования Государственной думы о подчинении церковных средств ревизии Государственного контроля шли в разрез с канонами. Кроме того, по мнению главы Духовного ведомства, Думой почему-то делалось исключение из общего порядка для имущества Православной Церкви, тогда как имущество всех христианских церквей в России по закону было частной собственностью.⁵⁶

В свою очередь на страницах церковной прессы также делались предположения, что финансовым давлением Дума пыталась подчинить себе дело реорганизации Церкви, что было бы гораздо хуже зависимости от обер-прокуратуры.⁵⁷ При этом не вызывало серьезных возражений подчинение Государственному контролю казенных ассигнований на церковные нужды. Камнем преткновения стали именно те “специальные средства”, которые образовывались из добровольных пожертвований прихожан. С правовой точки зрения, эти средства были частными, негосударственными. Поэтому высказывалось мнение, что Дума стремилась лишить Церковь самостоятельности, а не навести порядок в расходовании средств и отчетности Синода.⁵⁸

⁵⁵ Государственная дума, сессия 2, ч. III, 2031–2036. — См. также: “Обсуждение сметы Св. Синода в Гос. Думе. Речь епископа Евлогия”. Колокол, 932 (1909): 1.

⁵⁶ Государственная дума, сессия 2, ч. III, 2041–2074. — См. также: “Речь обер-прокурора Св. Синода”. Колокол, 932 (1909): 2.

⁵⁷ Прибавления к Церковным ведомостям, 17, I (1909): 739.

⁵⁸ Прибавления к Церковным ведомостям, 17, I (1909): 777.

При обсуждении в Синоде вопроса о подчинении “специальных средств” ревизии Государственного контроля не обошли вниманием “пристрастный” характер думских требований. Вместе с тем отмечалось, что в отличие от 1908 г. Бюджетной комиссией Государственной думы “относительно специальных средств Святейшего Синода высказано только пожелание касательно улучшения отчетности, которая может быть осуществлена самим Ведомством”.⁵⁹

Реформа Контроля при ведомстве Синода и новый устав ревизии Государственного контроля

С 1910 года Духовное ведомство представляло в Думу объяснительные записки к смете своих доходов и расходов “по расширенной программе”. Объем объяснительной записки рос, и в 1914 г. она издавалась отдельной книжкой. Святейший Синод стремился загодя разрешить возможные проблемы при обсуждении церковных финансовых вопросов в Думе.⁶⁰ Были приняты также необходимые меры для того, чтобы сметы “специальных средств” для сведения депутатов представлялись в срок, а не как раньше, с годичным опозданием.⁶¹

При этом если попытки подчинения “специальных средств” государственной ревизии отвергались, то выявляемые в результате обсуждений в Думе проблемы с финансовой отчетностью позволили реформировать устаревшую ревизионную систему ведомства Святейшего Синода. В этом смысле многолетние усилия Думы, по мнению В. С. Рожкова, способствовали реальным преобразованиям в Синодальном контроле, что делало его более действенным.⁶² Вследствие высказанного в Государственной думе пожелания о правильной постановке отчетности в Духовном ведомстве было принято Определение Синода от 28 июля – 3 августа 1910 г. об изменении Правил об учреждении временных ревизионных комитетов. В частности, предусматривалась централизация ревизии местных консисторий. Временные ревизионные комитеты в епархиях становились постоянными, их руководители утверждались Синодом.⁶³ Правила были утверждены императором 1 апреля 1911 г. В связи с тем, что вышеуказанное пожелание парламентариев “получило надлежащее

⁵⁹ Российский государственный исторический архив, ф. 801, оп. 1, д. 12 (1909): 1 – 3 об.

⁶⁰ Фирсов, “Финансовое положение”, 386–387.

⁶¹ Речь обер-прокурора. Колокол, 1179 (1910): 2.

⁶² Рожков, Церковные вопросы, 235.

⁶³ Российский государственный исторический архив, ф. 801, оп. 1, д. 16 (1910): 1–2.

осуществление”, Государственная дума более не настаивала на подчинении “специальных средств” ревизии Государственного Контроля.⁶⁴

В то же время Совет министров в своих заседаниях 7 февраля, 8 и 25 апреля 1913 г. рассмотрел проект устава ревизии и предоставил Государственному контролеру внести по нему в Государственную думу представление. Государственный контроль по уставу “путем ревизии подотчетных ему правительственных установлений удостоверяется в законности и правильности поверяемых им оборотов казенных капиталов и имуществ, равно как сумм специальных средств и депозитов, и сверх того убеждается в целости и сохранности упомянутых капиталов, имуществ и сумм...”.⁶⁵ 15 июля 1913 г. государственный контролер П. А. Харитонов снова поднял вопрос “о распространении ревизии Государственного Контроля на все государственные учреждения, изъятые ныне от означенной ревизии”, и в частности, на “специальные средства” Духовного ведомства.⁶⁶

17 декабря 1914 г. ведомство Святейшего Синода, не усматривая “никаких оснований к возбуждению вновь вопроса”, повторяло аргументы, ранее высказанные епископом Евлогием (Георгиевским), обер-прокурорами П. П. Извольским, С. М. Лукьяновым и др., и обращало внимание Харитонова на проделанную работу по усовершенствованию ведомственного контроля.⁶⁷ Кроме того, по замечанию Духовного ведомства, единственным основанием для нового обращения государственного контролера к этой теме был лишь сам термин “специальные средства”, усвоенный ведомственным суммам, которые имели своим источником не государственную казну. В отношении наименования церковных средств, которые являлись добровольной жертвой верующих православных христиан Богу, был принят не отражающий их природы готовый термин “по сметной номенклатуре”. Принимая его, Святейший Синод не предполагал, что это станет “основанием к попыткам лишить Православную Церковь самостоятельности в распоряжении своими средствами”. Все это лишало Государственный контроль, по мнению Духовного ведомства,

⁶⁴ Российский государственный исторический архив, ф. 796, оп. 198, II отд., I стол, д. 784 (1914): 6 – 6 об.

⁶⁵ Особые журналы, 1913, 215.

⁶⁶ Российский государственный исторический архив, 1.

⁶⁷ Российский государственный исторический архив, 1 об. – 6 об.

каких-либо оснований возбуждать вопрос об изменении “существующего, законом установленного порядка”.⁶⁸

Кроме того, 4 января 1914 г. обер-прокурором Синода В. К. Саблером в Государственную думу был внесен законопроект “Об отмене предоставленного духовному ведомству права обращать в свое распоряжение остатки от некоторых кредитов, ассигнуемых по финансовой смете Святейшего Синода, с возмещением казной расходов, производимых за счет этих остатков”.⁶⁹ Это продолжало политику наведения порядка с отчетностью по ведомственным “специальным средствам” (в отличие от попавших в этот разряд церковных средств). Для примера можно привести вопрос о так называемом “церковном капитале южных поселений”⁷⁰, разрешенный при рассмотрении сметы Святейшего синода на 1914 год. Он касался одного из тех случаев, когда средства из различных источников были перемешаны “самым прихотливым образом”. Речь шла о церковном капитале и свечном доходе церковью южных поселений, которые были переданы в “специальные средства” Синода в 1863 г. Эти суммы причислялись к духовно-учебному капиталу, из которого взамен “вносилось ежегодно в пособие Государственному Казначейству на содержание духовенства бывших южных поселений по 22 987 руб.” вместе с ассигнованием из казны по той же статье в расходной смете, в кредите на содержание духовенства, в общей сумме 65 364 руб. 8 коп. Это означало, что часть причтов содержалась за счет духовно-учебного капитала, который в этом случае использовался не по назначению, что признано законодательными учреждениями ненормальным. Законом 7 июля 1913 года Синод освобождался от внесения в доход казны 22 987 руб. Этот расход был принят с 1914 г. “на средства Государственного Казначейства”.⁷¹

“Специальные средства” перестали быть источником конфликта Синода и парламентариев. Обычной стала практика подготовки Бюджетной комиссией Думы перечня вопросов к государственному контролеру и синодальному обер-прокурору по той или иной статье

⁶⁸ *Российский государственный исторический архив*, 7–8.

⁶⁹ *Российский государственный исторический архив*, ф. 1278, оп. 6, д. 1583 (1914): 4.

⁷⁰ “Южные поселения кавалерии” — военные поселения, организованные в царствование Александра I. В 1857 г. были упразднены. Церковный капитал, принадлежавший церквям бывших южных поселений кавалерии, в 1863 г. был передан в ведение Святейшего Синода и зачислен в его “специальные средства”.

⁷¹ Финансовая смета Святейшего Синода на 1914 год. *Прибавления к Церковным ведомостям*, 38 (1913): 1734–1735.

доходов или расходов сметы. В том числе по ведомственным “специальным средствам”. Устранялось бессистемное их расходование на текущие нужды по усмотрению самого Духовного ведомства. Правилом становилось обращение остатков по кредитам в доход Государственного казначейства, с последующим выделением ассигнований по той или иной статье сметы. Церковные же средства оставались в ведении ревизии Контроля при Синоде. В 1916 г. обсуждение статей росписи доходов и расходов Духовного ведомства на следующий год снова сопровождалось в Бюджетной комиссии выяснением вопросов церковных преобразований и подготовки Поместного собора⁷², но на утверждение сметы Святейшего Синода революционной весной 1917 г. влияли уже и другие обстоятельства.

Заключение

Экономическое положение Православной Церкви в начале XX в. было непростым, оставался противоречивым и правовой статус Святейшего Синода. Совет министров, Государственный контроль, Государственная дума рассматривали Синод, прежде всего, как государственное ведомство. Это хорошо иллюстрирует конфликт, возникший по вопросу подчинения “специальных средств” Духовного ведомства ревизии Государственного контроля.

Институт обер-прокурора Синода превратил высшее управление Православной Церкви в Ведомство православного исповедания. Поэтому не случайно денежные средства Церкви как религиозной общины для формального удобства и понимания светских чиновников были зачислены в разряд ведомственных “специальных средств”. До начала XX века это не имело принципиального значения, как и ряд других бюрократических формальностей, так как на эти средства не распространялась ревизия Государственного контроля.

Сведения о “специальных средствах” были необходимы парламентариям для принятия решения о размере бюджетных ассигнований по той или иной статье сметы. По мере наведения порядка с отчетностью в Контроле при Синоде острота проблемы снималась, и попытки государственного контролера П. А. Харитонова распространить ревизию своего ведомства на церковные средства, являвшиеся частной собственностью, не увенчались успехом. Вместе с тем государственный контролер выступал также против особого порядка церковного законодательства (по статье 65). При обсуждении в Совете

⁷² Российский государственный исторический архив, ф. 1278, оп. 7, д. 1748 (1916): 125–135.

министров в 1913 г. данного вопроса он предложил “упростить дело”, чтобы предполагаемый “торжественный акт” стал ведомственной инструкцией. Постановление правительства действительно не стало обязательным для законодательных учреждений нормативным актом и существенного значения не имело. Представляется, что Православная Церковь как социальный институт в рассматриваемый период находилась на периферии интересов и правительства, и законодательной власти.

Если отделить церковное от государственного в рассматриваемый период не удалось ни при реформе православного прихода, ни при подготовке Поместного Собора, ни для законодательства в целом, то в сфере церковных финансов это в значительной степени осуществилось, хотя и далеко не сразу. “Специальные средства”, имевшие бюджетное происхождение, обращались в доход казны и были подвластны ревизии Государственного контроля. В то же время церковные средства православной религиозной общины подлежали ревизии Контроля при Синоде. Впрочем, процесс дифференциации “специальных средств”, отделения государственного от церковного в финансовой сфере, наверное, нельзя назвать вполне законченным, что требует дополнительного исследования.

Список источников и литературы

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив, ф. 796, оп. 198, II отд., I стол, д. 784.

Российский государственный исторический архив, ф. 801, оп. 1, д. 12.

Российский государственный исторический архив, ф. 801, оп. 1, д. 16.

Российский государственный исторический архив, ф. 1278, оп. 6, д. 1583.

Российский государственный исторический архив, ф. 1278, оп. 7, д. 1748.

Опубликованные источники

Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты, сессия 1, ч. I. СПб: Гос. тип., 1908.

Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты, сессия 1, ч. II. СПб: Гос. тип., 1908.

Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты, сессия 2, ч. III. СПб: Гос. тип., 1909.

Киреев, А. А. *Дневник. 1905–1910.* Москва: РОССПЭН, 2010.

Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1917 год. Пг.: Син. тип., 1916.

Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1909 год. М.: РОССПЭН, 2005.

Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1913 год. М.: РОССПЭН, 2005.

“Определение Святейшего Синода”. *Церковные ведомости*, 1 (1908): 3–4.

Полное собрание законов Российской империи, собр. 2, т. 37, ч. 1, 1862 г. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. Канц., 1865.

Полное собрание законов Российской империи, собр. 3, т. 26, ч. 1, 1906 г. СПб.: Гос. тип., 1909.

Полное собрание законов Российской империи, собр. 3, т. 30, 1910 г. СПб.: Гос. тип., 1913.

Свод законов Российской Империи, кн. 1, т. I–III. СПб.: Рус. кн. т-во “Деятель”, 1912.

Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, т. 5, ч. 1 (1887): 231–238.

“Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон”. *Церковные ведомости*, 12 (1910).

Литература

Алексеева, С. И. *Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг.* СПб.: Наука, 2006.

Богомолов, А. Б. “Государственная дума и порядок направления законопроектов по Ведомству православного исповедания в 1913–1914 гг.” *Международная конференция “Таврические чтения 2016”*, ч. 1 (2017): 215–220.

Богомолов, А. Б. “Государственно-церковные отношения в России в период Думской монархии: правовой цугцванг”. *Turkish Journal of Russian Studies*, 1 (2019): 45–65.

Верховской, П. В. *О необходимости изменить русские основные законы в пользу законодательной независимости православной русской церкви.* [Берлин, 1913].

Государственный контроль. 1811–1911. СПб.: Лики России, 1911.

“Летопись церковной и общественной жизни в России”. *Церковный вестник*, 13 (1908): 407.

“Обсуждение сметы Св. Синода в Гос. Думе”. *Колокол*, 932 (1909): 1.

“Обсуждение сметы Св. Синода в Гос. Думе. Речь епископа Евлогия”. *Колокол*, 932 (1909): 1.

Прибавления к Церковным ведомостям, 17, ч. 1 (1909): 775–776.

“Речь обер-прокурора Св. Синода”. *Колокол*, 932 (1909): 2.

“Речь обер-прокурора” *Колокол*, 1179 (1910): 2.

Рожков, В. С. *Церковные вопросы в Государственной думе.* М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004.

Рябова, М. А. *Контроль и ревизия.* Ульяновск: УлГТУ, 2011.

Управленческая элита Российской империи (1802-1917). СПб.: Лики России, 2008.

“Финансовая смета Святейшего Синода на 1914 год”. *Прибавления к Церковным ведомостям*, 38 (1913): 1734–1735.

Фирсов, С. Л. *Церковь в империи. Очерки по церковной истории эпохи императора Николая II.* СПб.: Сатис, 2007.

Флоринский, М. Ф. “К истории Государственного контроля России в начале XX века”. *Сборник статей “Политическая история России первой четверти XX века”* (2006): 11–20.

Bibliography

Archival Material

Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv, f. 796, op. 198, II otd., I stol, d. 784.

Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv, f. 801, op. 1, d. 12.

Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv, f. 801, op. 1, d. 16.

Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv, f. 1278, op. 6, d. 1583.

Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv, f. 1278, op. 7, d. 1748.

Published sources

Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Stenogr. otchety, sessiya 1, ch. I. SPb.: Gos. tip., 1908.

Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Stenogr. otchety, sessiya 1, ch. II. SPb.: Gos. tip., 1908.

Gosudarstvennaya дума. Tretiy sozyv. Stenogr. otchety, sessiya 2, ch. III. SPb.: Gos. tip., 1909.

Kireev, A. A. *Dnevnik. 1905–1910*. M.: ROSSPEN, 2010.

Ob'yasnitelnaya zapiska k smete dokhodov I raskhodov vedomstva Svyateyschego Sinoda na 1917 god. Pg.: Sin. tip., 1916.

Osobyе jurnalы Soveta ministrov Rossiyskoy imperii, 1909–1917 gg. 1909 god. M.: ROSSPEN, 2005.

Osobyе jurnalы Soveta ministrov Rossiyskoy imperii, 1909–1917 gg. 1913 god. M.: ROSSPEN, 2005.

“Opredelenie Svyateyschego Sinoda”. *Cerkovnye vedomosti*, 1 (1908): 3–4.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobr. 2, t. 37, ch. 1, 1862 g. SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. e. i. v. Kanc., 1865.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobr. 3, t. 26, ch. 1, 1906 g. SPb.: Gos. tip., 1909.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobr. 3, t. 30, ch. 1, 1910 g. SPb.: Gos. tip., 1913.

Svod zakonov Rossiyskoy imperii, kn. 1, t. I–III. SPb.: Rus. kn. t-vo “Deyatel”, 1912.

Sobranie mneniy i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i cerkovno-gosudarstvennym voprosam, t. 5, ch. 1 (1887): 231–238.

“Vysochaysche utverjdeniy i odobreniy Gosudarstvennym sovetom i Gosudarstvennoy dumoy zakon”. *Cerkovnye vedomosti*, 12 (1910).

Books and Articles

Alekseeva, S. I. *Svyateyschiy Sinod v sisteme vysschikh i centralnykh gosudarstvennykh uchrejdeniy poreformennoy Rossii 1856–1904 gg.* SPb.: Nauka, 2006.

Bogomolov, A. B. “Gosudarstvennaya дума i poryadok napravleniya zakonoproektov po Vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya v 1913–1914 gg.” *Mejdunarodnaya konferenciya “Tavrisheskie chteniya 2016”*, ch. 1 (2017): 215–220.

Bogomolov, A. B. “Gosudarstvenno-cerkovnye odnoscheniya v Rossii v period Dumskoy monarkhii: pravovoy cugcvang”. *Turkish Journal of Russian Studies*, 1 (2019): 45–65.

Verkhovskoy, P. V. *O neobkhodimosti izmenit russkie osnovnye zakony v polzu zakonodatelnoy nezavisimosti pravoslavnoy russkoy cerkvi*. [Berlin, 1913].

Gosudarstvenniy kontrol. 1811–1911. SPb.: Liki Rossii, 1911.

“Letopis cerkovnoy i obschestvennoy jizni v Rossii”. *Cerkovnyy vestnik*, 13 (1908): 407.

“Obsujdenie smety Sv. Sinoda v Gos. Dume”. *Kolokol*, 932 (1909): 1.

“Obsujdenie smety Sv. Sinoda v Gos. Dume. Rech episkopa Evlogiya”. *Kolokol*, 932 (1909): 1.

Pribavleniya k Cerkovnym vedomostyam, 17, ch. 1 (1909): 775–776.

“Rech ober-prokurora Sv. Sinoda”. *Kolokol*, 932 (1909): 2.

“Rech ober-prokurora”. *Kolokol*, 1179 (1910): 2.

Rojkov, V. S. *Cerkovnye voprosy v Gosudarstvennoy dume*. M.: Izd-vo Krutickogo podvoriya, 2004.

Ryabova, M. A. *Kontrol i reviziya*. Uliyanovsk: UIGGU, 2011.

Upravlencheskaya elita Rossiyskoy imperii (1802–1917). SPb.: Liki Rossii, 2008.

“Finansovaya smeta *Svyateyshego Sinoda na 1914 god*”. *Pribavleniya k Cerkovnym vedomostyam*, 38 (1913): 1734–1735.

Firsov, S. L. *Cerkov v imperii. Ocherki po cerkovnoy istorii epokhi imperatora Nikolaya II*. SPb.: Satis, 2007.

Florinskiy, M. F. “K istorii Gosudarstvennogo kontrolya Rossii v nachale XX veka”. *Sbornik statey “Politicheskaya istoriya Rossii pervoy chetverti XX veka”* (2006): 11–20.